

Глава 34. Одиннадцатый палец

Ся Гухань предупредил Чжао Сяочэня и, зевая, отправился спать.

Чжао Сяочэнь, оставшись в полном недоумении, проводил его взглядом. Обернувшись, он встретился с лукавой улыбкой своей тётки, и по спине у него пробежал холодок.

— Тё... тётя?

— Влюбился, да? — холодно усмехнулась мать Чжоу.

Чжао Сяочэнь тут же замотал головой, трижды отрицая:

— Нет! Не было! И не будет!

— Точно нет? — мать Чжоу подозрительно прищурилась. — Тогда почему господин Ся сказал, что у тебя намечается бурный роман?

Чжао Сяочэнь взъерошил волосы и самодовольно заявил:

— Слишком красив, ничего не поделаешь.

Мать Чжоу: «...»

Она решила пока верить ему, но словам Ся Гуханя она доверяла больше.

— Завтра, когда господин Ся проснётся, расспроси его, в чём дело, — напомнила она.

Если это просто любовное увлечение — это одно, но если это «гнилой цветок персика», то можно навлечь на себя неприятности. Пережив историю с дочерью, мать Чжоу стала всего опасаться.

— Хорошо, — кивнул Чжао Сяочэнь.

— И когда будешь с ним говорить, убери своё ребячество, будь почтителен с господином Ся, — добавила мать Чжоу.

Чжао Сяочэнь снова кивнул. Его глаза заблестели, и он, вытянув шею, спросил у тётки:

— Тётя, как думаешь, господин Ся берёт учеников?

Мать Чжоу окинула его взглядом.

— Что? Хочешь стать его учеником?

— Угу! — лицо Чжао Сяочэня озарилось восторгом и восхищением. — Тётя, ты не находишь, что господин Ся очень крутой?

— Крутой? — мать Чжоу шлёпнула его по затылку. — А тётя так крутая?

Чжао Сяочэнь: «...»

— А?

Чжао Сяочэнь надул губы и, поддавшись давлению тёти, неохотно признал:

— Крутая! Тётя самая крутая!

Только тогда мать Чжоу улыбнулась.

— Сегодня уже поздно, не возвращайся. Я позвоню твоей маме, останешься у нас.

Глаза Чжао Сяочэня забегали, он что-то задумал и, хитро улыбаясь, кивнул.

Семья Чжоу не поехала в лечебницу ночью. Подавив нетерпение, они решили дожидаться утра и поехать вместе с Ся Гуханем. Хотя тот и сказал, что достаточно просто дать пилюлю Чжоу Цзиньцин, им было спокойнее, если он будет рядом.

Что касается Шу Юйжу, Ся Гухань использовал какой-то трюк, и она оказалась заперта в небольшом пространстве на диване, откуда не могла выбраться, как ни старалась. На губах у неё всё ещё был талисман, лишавший её голоса.

Мать Чжоу презрительно сплюнула в её сторону. Какая мерзость! Завтра же нужно будет сменить диван!

Чжао Сяочэнь, оправившись от первоначального шока, уже не боялся. Он присел на корточки перед Шу Юйжу и, подперев подбородок, принялся её разглядывать, пытаясь что-то понять.

В итоге мать Чжоу за шиворот оттащила его в гостевую комнату.

Кроме заточённой в гостиной Шу Юйжу, все разошлись по своим комнатам, и в вилле воцарилась тишина.

Меч, семь лет висевший над головой семьи Чжоу, наконец, исчез. Хотя Чжоу Цзиньцин ещё не очнулась, этой ночью они впервые за долгое время могли спать спокойно, с надеждой на завтрашний день.

Ся Гухань, вернувшись в комнату, умылся и, едва коснувшись головой подушки, тут же уснул.

Он даже не высушил волосы, лишь несколько раз протерев их полотенцем.

Гу Цзиньнянь, слушая его ровное дыхание, тихо вздохнул. Он провёл ладонью над волосами Ся Гуханя, и те мгновенно высохли.

Он лёг на кровать, прижал Ся Гуханя к себе, ощущая тепло его тела. Оно уже не было таким ледяным, как раньше. Похоже, все эти хлопоты последних дней не прошли даром.

Ся Гухань что-то пробормотал во сне и поудобнее устроился в объятиях Гу Цзиньняня. Его дыхание было ровным, он спал крепко.

Гу Цзиньнянь поцеловал его в макушку и тоже закрыл глаза.

Незаметно луна сменилась солнцем, и наступил новый день.

Ся Гухань проснулся в знакомых объятиях. Не открывая глаз, он спросил:

— Который час?

— Семь тринадцать, — ответил Гу Цзиньнянь. — Встаём?

— Пора, — Ся Гухань помедлил, выбрался из объятий Гу Цзиньняня и, встав с кровати, с растрёпанными волосами пошёл в ванную.

Когда он вышел, Гу Цзиньнянь протянул ему телефон.

— Деньги закончились.

Ся Гухань бросил на него презрительный взгляд.

— Можешь читать помедленнее.

Старенький телефон ничуть не мешал скорости чтения Гу Цзиньняня.

Хоть и ворча, Ся Гухань всё же взял телефон и пополнил счёт Гу Цзиньняня. На этот раз он расщедрился — целых пять юаней.

Гу Цзиньнянь не возражал. Получив деньги, он с удовольствием продолжил чтение.

Когда они вышли из комнаты, было уже половина восьмого.

Едва Ся Гухань открыл дверь, как к его ногам что-то подкатилось.

Он инстинктивно отступил на шаг и посмотрел вниз. Перед ним на корточках сидел Чжао Сяочэнь в жёлтом даосском халате.

Чжао Сяочэнь, не вставая, посмотрел на него снизу вверх. Его глаза сияли благоговением.

— Господин Ся, берёте учеников?

Зеркало багуа на его груди ослепительно блестело.

Ся Гухань: «...»

Он даже не удостоил его ответом и, обойдя его, своей решительной спиной дал понять, что он думает об этом.

Чжао Сяочэнь несколько не расстроился. Он подобрал оброненный меч из персикового дерева и поспешил за ним.

Он сегодня встал ни свет ни заря и за большие деньги приобрёл этот костюм. Ничего, что Ся Гухань сейчас отказал. Он верит, что однажды его искренность тронет сердце мастера, и тот примет его в ученики.

Терпение и труд всё перетрут!

Чжао Сяочэнь сжал кулаки, полный энтузиазма.

Ся Гухань, не обращая внимания на сумасшедшего подростка, лениво спустился вниз.

Услышав его шаги, все, кто был в гостиной, почтительно встали.

Ся Гуханю было всё равно на эти церемонии. Он сразу же направился в столовую завтракать.

Семья Чжоу горела желанием немедленно лететь в лечебницу, но никто не смел торопить Ся Гуханя. Все терпеливо ждали, пока он закончит завтрак.

Ел Ся Гухань, как всегда, лениво, но на удивление быстро — управился за несколько минут.

Когда пришло время ехать в лечебницу, Ся Гухань вспомнил о Шу Юйжу и спросил о ней.

— Утром приезжали мастера из Ассоциации небесных мастеров и забрали её, — ответил отец Чжоу.

Он хотел было открыть Ся Гуханю дверь машины, но его опередила жёлтая молния. Чжао Сяочэнь подскочил к машине, распахнул дверь и даже прикрыл её сверху рукой, чтобы Ся Гухань не ударился головой.

— Господин Ся, осторожнее, не ударьтесь, — его поведение было донельзя подобострастным.

Ся Гухань взглянул на него и сел в машину.

Он достал телефон. Действительно, час назад пришло сообщение от наставника.

Старик из манги: «Ученик, я забрал её».

Ся Гухань ответил «понял» и вместе с семьёй Чжоу отправился в лечебницу.

Чжоу Цзиньюй вернулся в город Сянлин посреди ночи. Не желая беспокоить родных, он сразу поехал в лечебницу.

Родители уже позвонили ему и рассказали о случившемся. При мысли о том, что утром его сестра очнётся, Чжоу Цзиньюй не мог сдержать волнения. Он всю ночь проворочался на диване в маленькой вилле, так и не сомкнув глаз.

Маленький чёрный котёнок, которого он привёз с собой, несколько раз недовольно мяукнул на него, а потом, не выдержав, нашёл себе другое место для сна.

Не спали и Чжэн Хан с маленькой девочкой. Приехав в лечебницу, они сразу же пошли в комнату Чжоу Цзиньцин и присидели у её постели всю ночь.

Как только рассвело, Чжоу Цзиньюй поднялся с дивана и пошёл в комнату сестры. У двери он услышал разговор Чжэн Хана с девочкой.

— Папа, почему мама ещё не проснулась?

— Мама болеет, но скоро проснётся.

— Маме, наверное, очень плохо? Я ей подую, и ей станет лучше?

...

Чжоу Цзиньюй не стал мешать их семейной идиллии. Постояв немного у двери, он вышел на улицу.

Прошедший вчера дождь омыл дворик, и теперь он сверкал в лучах утреннего солнца.

Чжоу Цзиньюй глубоко вздохнул, выдыхая весь накопившийся негатив, и почувствовал, как ему стало легче.

К его ногам подошёл маленький чёрный котёнок и потёрся о них своей пушистой головой. Чжоу Цзиньюй присел и погладил его.

— Пойду принесу тебе что-нибудь поесть.

Они провели во дворе довольно много времени. Услышав звук подъезжающей машины, Чжоу Цзиньюй, забыв о приличиях, бросился к воротам и увидел останавливающийся автомобиль.

Чжао Сяочэнь тут же выскочил из машины, чтобы открыть дверь Ся Гуханю.

Но Чжоу Цзиньюй не дал ему шанса проявить любезность. Он подбежал и сам открыл дверь.

— Господин Ся! — его лицо сияло от радости.

Ся Гухань кивнул и направился к вилле.

Чжао Сяочэнь: «...»

Просчитался. В следующий раз нужно быть быстрее.

В комнате Чжэн Хан и маленькая девочка тоже услышали шум. Девочка немного испугалась и спряталась за Чжэн Хана, лишь любопытно выглядывая из-за него. Увидев вошедшего Ся Гуханя, она перестала прятаться и с радостным криком «Братик!» выбежала из-за спины отца.

Ся Гухань, увидев её, тепло улыбнулся, подошёл и погладил по голове.

Её кожа была ледяной.

— Ты сделал это? — удивлённо спросил он у Чжэн Хана.

В глазах Чжэн Хана промелькнуло сложное выражение.

— Когда мы приехали, Наннан уже истекала кровью. У меня не было другого выбора.

Ся Гухань понимающе кивнул и больше не расспрашивал. Он повернулся к отцу Чжоу.

— Дайте пилюлю госпоже Чжоу.

Отец и мать Чжоу всё ещё находились в ступоре, увидев Чжэн Хана и маленькую девочку, и не сразу отреагировали.

Чжоу Хэянь, повидавший на своём веку многое, умел скрывать свои эмоции. Он лишь на мгновение замер, войдя в комнату, но быстро пришёл в себя. Видя, что сын не реагирует, он взял у него из рук коробочку и, опираясь на трость, подошёл к кровати.

Он отложил трость, дрожащими руками открыл коробочку. Не успел он ничего сделать, как пилюля, олицетворявшая жизненную силу Чжоу Цзиньцин, сама вылетела из коробочки, подлетела к её губам и, превратившись в золотистый дымок, влилась в её рот.

Все присутствующие, несмотря на множество вопросов, затаили дыхание и, не отрываясь, смотрели на лежащую на кровати женщину.

Золотистый дымок, словно обладая собственным сознанием, проникал в тело Чжоу Цзиньцин. По мере того, как он исчезал, её тело менялось.

Старая, иссохшая кожа на глазах становилась упругой, седые волосы чернели, расшатанные зубы укреплялись, пигментные пятна исчезали.

Когда последняя струйка дыма растаяла, Чжоу Цзиньцин снова стала молодой. Словно и не было этих семи лет, она снова была двадцатисемилетней.

Мать Чжоу не выдержала и, уткнувшись в грудь мужа, зарыдала. Это были слёзы облегчения, слёзы, которые она сдерживала восемь лет.

Чжоу Хэянь дрожащей рукой потянулся к Чжоу Цзиньцин, но так и не решился коснуться её, боясь, что она, едва вернувшись, рассыплется в прах.

И Чжоу Цзиньюй, и обычно строгий отец Чжоу не смогли сдержать слёз.

Маленькая девочка на цыпочках заглядывала на лежащую на кровати женщину.

Странно, но, хотя женщина была точной копией Шу Юйжу, девочка совсем не боялась. Наоборот, её тянуло к ней, хотелось, чтобы она её обняла.

Она дёрнула Чжэн Хана за руку.

— Папа, можно я поцелую маму?

Чжэн Хан взял её на руки и подошёл к кровати.

Девочка наклонилась и звонко поцеловала Чжоу Цзиньцин в лоб.

Возможно, это была связь матери и дочери. Едва девочка её поцеловала, Чжоу Цзиньцин медленно очнулась. Её взгляд встретился с лицом девочки.

Она замерла и неуверенно прошептала:

— ...Наннан?

— Мама, ты наконец-то проснулась! — радостно закричала девочка.

Сонная пелена спала. Чжоу Цзиньцин из последних сил протянула руки и обняла девочку. Её голос дрожал от сдерживаемых рыданий и чувства вины.

— Наннан, моя малышка, прости меня...

Все, кроме Ся Гуханя и Чжэн Хана, были в полном недоумении.

Отец Чжоу посмотрел на Ся Гуханя.

— Господин Ся, это?..

Он хотел спросить, почему Чжэн Хан жив, но краем глаза заметил, что ни у Чжэн Хана, ни у его внуки нет тени.

Пережив такое, отец Чжоу не испугался, но он не понимал, что происходит и как у его дочери мог родиться ребёнок от погибшего Чжэн Хана.

Ся Гухань покачал головой.

— Пусть они сами вам расскажут.

Это была история Чжоу Цзиньцин и Чжэн Хана, и Ся Гухань знал о ней не так много.

Спустя долгое время семья Чжоу наконец оправилась от радости воссоединения.

Чжоу Цзиньцин сидела на кровати, обнимая девочку, и счастливо улыбалась. В ответ на недоуменные взгляды родных она посмотрела на Чжэн Хана. Тот кивнул, и она медленно начала свой невероятный рассказ.

Всё началось за месяц до свадьбы Чжоу Цзиньцин и Чжэн Хана.

В тот день Чжэн Хан, спасая человека, попал в аварию. Когда Чжоу Цзиньцин приехала, она увидела его лежащим в луже крови. Весь её мир рухнул.

Но Чжоу Цзиньцин не была из тех, кто поддаётся эмоциям. Она быстро взяла себя в руки и спокойно занялась похоронами.

Родные и друзья думали, что она держится из последних сил, и, боясь причинить ей ещё большую боль, не решались её утешать.

Только Чжоу Цзиньцин знала, что её спокойствие не было притворством. Потому что она знала — Чжэн Хан рядом с ней.

Договорив до этого места, Чжоу Цзиньцин замолчала, словно колеблясь, и посмотрела на Чжоу Хэяня.

Чжоу Хэянь понял, что её смущает, и продолжил за неё:

— На самом деле, семья Чжоу — не просто семья потомственных врачей китайской медицины. Наши предки были духовными целителями.

Другие не знали, кто такие духовные целители, но Ся Гухань знал. Он был удивлён. Недаром он почувствовал знакомую ауру в духовном теле Чжэн Хана.

Но он не подал виду и продолжил слушать.

— Однако дар духовного целителя передаётся очень сложно и требует от наследника особых качеств. К поколению моего отца в семье Чжоу уже не осталось никого, кто мог бы стать духовным целителем. Пока я не начал учить медицине Цзиньцин.

Сначала Чжоу Хэянь обучал Чжоу Цзиньцин только теории китайской медицины, но однажды маленькая Цзиньцин нашла в его кабинете древнюю книгу и, самостоятельно изучая её, освоила её содержание.

Именно тогда Чжоу Хэянь понял, что Чжоу Цзиньцин унаследовала дар духовного целителя.

Но в семье Чжоу больше не было духовных целителей, и Чжоу Цзиньцин пришлось учиться самой. Даже Чжоу Хэянь не знал, каких высот она достигла.

Когда Чжоу Хэянь закончил, Чжоу Цзиньцин продолжила:

— Я знала, что Чжэн Хан всё время был рядом со мной...

Будучи духовным целителем, Чжоу Цзиньцин могла видеть призрака Чжэн Хана. Она знала о его присутствии и за месяц восстановила его расколотую душу.

Их чувства были глубоки, и, поскольку Чжоу Цзиньцин не была обычным человеком, они, почти не колеблясь, продолжили свои отношения.

Всё было как при жизни Чжэн Хана. Чжоу Цзиньцин жила полной и счастливой жизнью, пока не обнаружила, что беременна.

Будучи духовным целителем, она знала, что ребёнок, рождённый от союза человека и призрака — призрачный плод — никогда не вырастет. Выживают лишь немногие. Но она всё равно решила его родить.

Именно в это время её нашла Шу Юйжу.

Они обе учились в медицинском университете Цзинши. Хотя и на разных факультетах, они

жили в одной комнате в общежитии и в университетские годы были хорошими подругами.

Шу Юйжу сказала, что у неё дела в родном городе и, проезжая через город Сянлин, она хотела бы встретиться с Чжоу Цзиньцин.

Та, ничего не подозревая, согласилась.

Эта встреча и стала началом её трагедии.

— Шу Юйжу подсыпала мне что-то в напиток, — вспоминая об этом, Чжоу Цзиньцин не могла сдержать гнева. — Я была в полубессознательном состоянии, смутно помню, как она взяла мой телефон и отправила моим родителям сообщение, что я уезжаю в путешествие, чтобы развеяться.

Семья Чжоу ничего не заподозрила. Они даже вздохнули с облегчением, решив, что Чжоу Цзиньцин, пережившая смерть Чжэн Хана, наконец-то приходит в себя.

Что Шу Юйжу делала потом, Чжоу Цзиньцин не знала. Она очнулась в маленькой, тихой комнате. Кроме женщины, приносившей ей еду, она никого не видела.

Приносившая еду была глухонемой старухой, и Чжоу Цзиньцин не могла получить от неё никаких ответов.

Так проходил день за днём. Живот Чжоу Цзиньцин рос.

В бесконечные дни отчаяния только маленький комочек жизни в её животе давал ей силы жить и надеяться на то, что однажды всё это закончится.

Когда подошло время родов, дверь комнаты наконец-то открылась. Вошли несколько человек в масках, сделали ей укол, и она потеряла сознание.

Что было дальше, она не помнила. Очнувшись, она оказалась в городе Сянлин, забыв всё, что произошло после встречи с Шу Юйжу. Она лишь смутно помнила, что потеряла что-то очень важное.

О своей беременности Чжоу Цзиньцин не успела рассказать Чжэн Хану. После её исчезновения он в отчаянии искал её повсюду. Если бы он не помнил слова Чжоу Цзиньцин о том, что если он станет свирепым призраком, они никогда не смогут быть вместе, он бы, скорее всего, потерял контроль и стал бы злым духом, сеющим хаос.

Позже Чжоу Цзиньцин вернулась, но Чжэн Хан смутно чувствовал, что что-то не так. Все эти годы он пытался выяснить, что произошло, но безрезультатно.

Если бы не встреча с Ся Гуханем, Чжоу Цзиньцин, на пороге смерти, не вспомнила бы о потерянном ребёнке, и у неё не проснулась бы такая сильная жажда жизни, которая помогла ей победить в этой невидимой борьбе.

— Господин Ся, это всё, что я могу вспомнить, — с благодарностью посмотрела Чжоу Цзиньцин на Ся Гуханя. Именно он дал их семье новую жизнь.

Но она всё ещё не могла понять некоторые вещи.

Как Наннан, будучи призрачным плодом, смогла вырасти? И каким образом Шу Юйжу крала её жизнь и даже её личность?

Из-за присутствия девочки Ся Гухань не стал говорить прямо, а лишь намекнул:

— У Наннан на левой руке шесть пальцев.

Услышав это, Чжоу Цзиньцин взяла левую ручку девочки и действительно увидела на ней шрам. Она с болью поцеловала его.

— Мама, Наннан уже не больно. Мама поцеловала, и больше не больно, — девочка протянула ручку и погладила Чжоу Цзиньцин по лицу.

Чжоу Цзиньцин, обнимая дочь, то плакала, то смеялась.

Она всё поняла.

Шу Юйжу использовала Наннан как проводник, чтобы красть её жизненную силу. Раз за разом она выкачивала из неё жизнь, а в конце концов попыталась украсть и её личность.

Говорят, десять пальцев связаны с сердцем. На самом деле, у каждого человека есть одиннадцатый палец, но у большинства он невидим. Лишь у немногих он проявлен. В мире мистики этот палец называют «внешним сердцем», так как он теснее всего связан с сердцем.

Шу Юйжу, должно быть, отрезала этот лишний палец у Наннан и скормила его Чжоу Цзиньцин. Наннан была её дочерью, и между ними и так была сильная связь. Съев «внешнее сердце» Наннан, Чжоу Цзиньцин ещё больше укрепила эту связь, создав «канал», по которому её жизненная сила перетекала к Наннан.

Именно поэтому Наннан, будучи призрачным плодом, могла расти.

А Шу Юйжу, в свою очередь, пила кровь Наннан, чтобы украсть жизненную силу Чжоу Цзиньцин.

То есть, Наннан стала «мостом» между Чжоу Цзиньцин и Шу Юйжу. Хотя Наннан ничего не знала, если бы она узнала правду, то наверняка винила бы себя в том, что причинила вред своей матери.

Поэтому Ся Гухань решил промолчать.

Чжоу Цзиньцин, благодаря знаниям духовного целителя, видела упоминание об одиннадцатом пальце. Поэтому, как только Ся Гухань намекнул, она всё поняла.

Кровь Наннан, как призрачного плода, была особенной. Она несла в себе судьбу её человеческой матери.

Таким образом, кровь Наннан содержала не только жизненную силу Чжоу Цзиньцин, но и её судьбу. Шу Юйжу крада и то, и другое. Она хотела не просто красоты Чжоу Цзиньцин, она хотела занять её место, стать ею.

Шу Юйжу завидовала и ненавидела Чжоу Цзиньцин, но в то же время восхищалась ею и мечтала стать такой же. И, увидев возможность, она, не колеблясь, потратила семь лет на осуществление своего коварного плана, желая стать Чжоу Цзиньцин.

И она почти преуспела.

При этой мысли Чжоу Цзиньцин похолодела от ужаса. Она крепче обняла дочь. Ещё немного, и она бы навсегда потеряла свою малышку.

— Мама, Наннан в порядке, не грусти, — Наннан своей пухлой ручкой гладила лицо матери, тихо утешая её.

Чжоу Цзиньцин взяла её ручку и поцеловала.

— Мама не грустит, мама очень рада.

Но в следующий миг она заметила неладное.

Рука Наннан была ледяной. Даже для призрачного плода, наполовину человека, она не должна была быть такой холодной.

Чтобы не напугать Наннан, Чжоу Цзиньцин незаметно коснулась и других частей её тела. Все

они были ледяными.

Она удивлённо посмотрела на Чжэн Хана, безмолвно спрашивая: «Что случилось?»

Рано или поздно Наннан всё равно бы узнала. Чжэн Хан, помедлив мгновение, рассказал Чжоу Цзиньцин о том, что произошло в вилле №26 на горе Цюньсян.

Трансформация.

Когда кровь призрачного плода почти вся вытекает, можно использовать кровно связанного с ним призрака, чтобы влить в него энергию инь, и с помощью формации трансформации превратить призрачный плод из получеловека-полупризрака в настоящего призрака.

То есть, Наннан теперь была не призрачным плодом, а настоящим призраком.

Она больше не нуждалась в жизненной силе Чжоу Цзиньцин, чтобы существовать.

Но была и обратная сторона. Наннан навсегда останется шести-семилетней девочкой, которая никогда не вырастет.

Когда Ся Гухань передал Чжэн Хану формацию трансформации, он надеялся, что после решения проблемы они с Чжоу Цзиньцин вместе решат, стоит ли трансформировать Наннан.

Он не ожидал, что Шу Юйжу окажется настолько безумной, что выпустит из Наннан всю кровь, не оставив Чжэн Хану выбора.

Чжоу Цзиньцин, поняв всё, после недолгого раздумья приняла это.

Возможно, для Наннан это даже к лучшему. Она навсегда останется ребёнком, и ей не придётся жить с чувством вины за то, что она забирала жизнь у своей матери.

И неважно, человек она, призрак или призрачный плод, она всё равно останется её любимой дочерью.

Чжоу Цзиньцин посмотрела на Ся Гуханя.

— Господин Ся, у меня к вам одна просьба. Не могли бы вы дать имя Наннан?

Именно Ся Гухань дал их семье новую жизнь. У Наннан ещё не было имени, и Чжоу Цзиньцин хотела, чтобы это имя дал ей именно он.

Никто из присутствующих не возражал.

Ся Гухань не стал отказываться. Немного подумав, он ответил:

— Сян Си. Сян, как направление, и Си, как надежда.

Когда-то маленькая девочка пришла к нему за помощью, сказав, что хочет покинуть этот мир.

А теперь Ся Гухань давал ей имя Сян Си, как благословение.

Сян Си. Рождённая, чтобы идти к надежде.

<http://bllate.org/book/13703/1588396>